

В День Победы «Советская Россия» напечатала стихи Юлии Друниной, светлого поэта, красивого, честного, мужественного человека, в биографии которого главная страница жизни — Отечественная война. Эти стихи из посмертной книги поэта, составленной ею самой и изданной по ее завещанию в «Современном писателе», вызвали широкий читательский отклик. Одним из первых в редакцию позвонил поэт Николай Старшинов. Он был взволнован, сказал, что 10 мая — день рождения Юлии Друниной, и еще, что написал лирические воспоминания о ней. Сегодня мы предлагаем нашим читателям фрагменты из книги «Планета Юлия», которая готовится к выпуску в ИИТ «Звонница» — «МГ».

Сов. Россия. — 1993. — 15 мая — с. 3

Безумно страшно за Россию...

Тихонов тогда сказал: «Их сейчас, конечно, не напечатает!» И, действительно, впервые «Штрафбат» был опубликован лишь десять лет спустя...

Очень высокую оценку получили стихи Юлии и на Первом Всесоюзном совещании молодых писателей в 1947 году. Не только его участники, но и руководители семинаров отмечали глубину чувств в ее лирике, точность, лаконичность, умение афористично выразить мысль.

Перечитывая ее стихи, особенно военные, полвека спустя после их написания, видишь, что добрый десяток произведений выдержал испытание временем — они по-прежнему волнуют, находят отклик в сердцах читателей.

Совсем недавно зашел я в издательство, где проработал двадцать лет. Поздравился с дежурившей на вахте женщиной, а она говорит:

— Николай Константинович, не знаю даже, как вас и наказывать!

— За что?

— А что ж вы столько лет не могли сказать мне, что Друнина была вашей женой?

— А почему я всем должен говорить об этом?

— Ну не обязательно всем, но мне надо было сказать. Ведь я так люблю ее стихи!.. Она самая любимая моя поэтесса!..

Я знаю множество врачей, актеров, художников, музыкантов, научных работников, которые обожают ее стихи...

Министр Язов цитировал ее стихи в своих выступлениях и не раз беседовал с ней. И вспоминаю пожилого почтальонку из Твери, которая до тошноты допрашивала меня о Юле, потому что зачитывалась ее стихами... Таков круг ее читателей!..

С ПОСЛЕДНИХ дней Отечественной до последних своих дней Юля не могла оторваться от войны. И в стихах, даже пейзажных или любовных, то и дело возникали у нее многие подробности военных дней. Ее постоянно тянуло в те места, где довелось протоптать в солдатских сапо-

ли — куда обратиться за помощью?.. И тут Юля вспомнила: кто-то из наших студентов, узнав, что мы едем в Тюмень, предусмотрительно присоветовал: «Будешь в Тюмени, обращайся в «Тюменскую правду», к главному редактору Михаилу Васильевичу Коврижину. Добрый человек, отзывчивый, любит поэзию и поэтов и всегда выручает в трудную минуту».

И я решил попытаться счастья, направился в редакцию газеты, прихватив с собой верстку моей первой книжки.

Михаил Васильевич оказался седоватым, но бодрым, подвижным и симпатичным человеком. Принял меня очень радушно. Вкратце я рассказал ему о путешествии. Показал верстку книжки. Но так и не решился обратиться за помощью. Попросил отметить командировочное удостоверение и уже готов был выйти из кабинета, когда он заметил:

— Вы в командировке-то уже давно... Должно быть, поистратились? Может, нужна помощь?..

И тут я рассказал все... Он мгновенно позвонил по телефону. Отдал перепечатать стихи из верстки, вызвал бухгалтера и даже договорился о билетах на московский поезд. Через двое суток мы уже были в Москве. А через месяца полтора я получил несколько вырезок со своими стихами из «Тюменской правды», да еще оставшуюся от гонорара, после погашения моего долга, десятку...

Ю ЛЯ была красивой. Но красота бывает холодной и даже отталкивающей. Она была обаятельна, в ее чертах лица было что-то общее с очень популярной в наше время актрисой Любовью Орловой. Привлекательная внешность нередко помогала молодым поэтессам «пробиться», попасть на страницы журналов и газет, привлечь особое внимание на свое творчество, доброжелательнее отнестись к поэтической судьбе. Друниной она, напротив, часто мешала в силу ее неуступчивого характера, ее бескомпромиссности...

Думаю, что среди поэтов фронтового поколения Юля была едва ли

не раз я слышал и о том, что, мол, будь с ней в этот момент кто-то рядом, такого не случилось бы. Ни о какой случайности говорить не приходится. О неожиданности — тоже. В последнее время у Юли было состояние постоянной неудовлетворенности, если не всем, то многим, что происходило в стране.

Она болезненно переживала распад СССР. В августе 91-го она бросилась на Красную Пресню защищать Белый дом, но уже 15 сентября того же года написала в «Правде»: «И все же, все же не хотелось бы впасть в эйфорию. Кое-что беспокоит. Очень! Не слишком ли подчас легко и лихо принимаются решения по сложнейшим вопросам?..»

А одно из последних стихотворений она начала так:

Безумно страшно за Россию...

Она, как кровную обиду, пережила постоянные нападки на нашу армию и мирного, и военного времени. И немедленно вступала в яростные споры, защищая ее:

Я люблю тебя, Армия — Юность моя!
Мы — солдаты запаса,
Твой сыновья.

Хорошо зная ее нелюбовь и даже отвращение ко всякому рода заседаниям и совещаниям, я был удивлен, что она согласилась с тем, чтобы ее кандидатуру выдвинули на выборах депутатов Верховного Совета СССР. Я даже спросил ее — зачем?

— Единственное, что меня побудило сделать это, — желание защитить нашу армию, интересы и права участников Отечественной войны, афганцев.

Когда же она поняла, что ничего существенного сделать невозможно, она перестала ходить на заседания Верховного Совета, а потом и вышла из депутатского корпуса...

О ее душевном состоянии лучше всего говорят строки посмертного письма, теперь уж известные многим: «...Почему ухожу? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несвершенному существу, как я, можно только имея крепкий личный тыл...»

Я знаю, что Алексей Яковлевич Каплер относился к Юле очень трогательно, — заменял ей и мамку, и няньку, и отца. Все заботы по быту брал на себя. Но самое главное — он сумел приучить ее к постоянному литературному труду. Если прежде она писала от случая к случаю, по вдохновению, то теперь она стала много и упорно работать все время. Расширился не только круг ее тем, но и жанров: она обратилась к публицистике, к прозе. Но после смерти Каплера, лишившись его опеки, она, по-моему, оказалась в растерянности.

Вообще она не вписывалась в наступавшее прагматическое время со своим романтическим характером.

Как человек неконтактный, Юля быстро растеряла тех знакомых и друзей, с которыми общалась при Каплере. А новых, по сути дела, не завела. Дружила со вдовой поэта Сергея Орлова, которая, конечно, не могла ей заменить всех. Как это ни печально, имея столько друзей-читателей, она была одинока.

Ю. Друнина с дочерью Еленой.

гах с санитарной сумкой по заснеженным и разбитым дорогам, испытать все тяготы, которые выпали на долю пехоты, под обстрелами перевязывать раненых, вытаскивать из боя.

Мать Юлии родилась в Варшаве. Кроме русского, она владела польским и немецким языками. Немецкий даже преподавала в школе. Во время войны их семья была эвакуирована в поселок Заводоуковка Тюменской области. Там отец преподавал историю в спецшколе. Там во время войны и умер...

Юля все время собиралась съездить в Заводоуковку, побывать на могиле отца. Долго мы не могли поехать, у нас не было на такое дальнее путешествие денег, пока не представилась возможность: издательство «Советский писатель», где была принята моя книжка стихов, дало мне командировку в Сибирь. Тогда мы и отправились в дорогу.

Побродили по окрестностям Ялуторовска, а потом махнули на станцию Заводоуковка. Пробыв там несколько дней, отыскали могилу Юлиного отца. И еще продлили бы свое пребывание в этих местах. Но тут у нас кончились деньги. Остались мы буквально без копейки. А надо еще добираться до Тюмени, а потом и до Москвы!..

Пришли на станцию, дождался поезда на Тюмень и устроился в тамбуре «зайцами». В дороге сообража-

не самым неисправимым романтиком с первых шагов своей сознательной жизни и до последних своих дней.

Она обожала романтические стихи о гражданской войне и песни о ней — «Гренаду», «Каховку», «Орленка», лихую «Тачанку»!

Видишь, облако клубится,
Кони мчатся вперед!..

Она не только увлеклась верховой ездой, но однажды и меня посадила на лошадь в Геленджике, и мы отправились верхом в горы. Она пристрастила к лошадям нашу дочь Лену, которая потому и пошла учиться в Ветеринарную академию, окончила ее и вот уже немало лет работает зоотехником, является кандидатом в мастера конного спорта.

Юля очень любила Коктебеля, море, горы. Она десятки раз поднималась на Карадаг, пока он не был зашарпанным. Она ходила в Старый Крым — а это в один конец двадцать пять километров, — и, конечно, партизанскими тропами!

Меня и Лену неоднократно спрашивали и спрашивают до сих пор о причине, вызвавшей ее добровольный и неожиданный уход из жизни. Односложного ответа на этот вопрос нет и не может быть. Главных причин много, а самую главную из них и выделить трудно.

А то предположение, что, будь кто-то рядом с ней в самый критический момент, несостоятельно, оно ничего не могло изменить: она приняла решение. А решения она привыкла выполнять. Это не случайная вспышка отчаяния. Все было предусмотрено и продумано до мелочей.

Она написала едва ли не десять писем: дочери, внучке, зятю, подруге Виолетте, редактору своей новой рукописи, в милицию, в Союз писателей. В письмах никого ни в чем не винила. На двери гаража, где она оставила автомобильным газом, оставила записку, обращенную к зятю: «Андрюша, не пугайся. Вызови милицию и вскройте гараж».

Все было учтено, все было благо-родно...

Как романтик, она нередко писала о Космосе, о необъятной Вселенной:

Звездный путь... И он сегодня начат,
Здравствуй, сказка детства! Я тогда
Тем, что мне приходит землячкой
Только что рожденная звезда!

А землячкой ей стала не звезда, а планета. Другая планета. Крымские астрономы Николай и Людмила Черныхи открыли новую малую планету, получившую порядковый номер 3804, и назвали ее именем Юли. Это не только естественно вписывается в ее жизнь, но и говорит о том уважении и любви, которая живет в сердцах ее читателей и почитателей!..

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ в конце 1944 года в Литературном институте имени А. М. Горького. После лекций я пошел ее провожать. Она, только что демобилизованный батальонный санитаринструктор, ходила в солдатских кирзовых сапогах, в поношенной гимнастерке и шинели. Ничего другого у нее не было. Как писала она позже:

Возвратившись с фронта в сорок пятно,
Я стеснялась стоптанных сапог
И своей шинели переметной,
Пропыленной пылью всех дорог.

По дороге мы взахлеб читали друг другу стихи — тогда в Литинституте это было принято. А поскольку большинство стихов было посвящено войне, мы заговорили и о фронте... А потом вдруг перенеслись в довоенное время. И обнаружилось, что в конце тридцатых годов мы оба ходили в литературную студию при Доме художественного воспитания детей, которая помещалась в здании Театра юного зрителя. Вспомнили руководителей студии — поэта-переводчика Бориса Ирнина, прозаика Исая Рахтанова, своих товарищей-студийцев, вспомнили, как нередко пропускали занятия, чтобы посмотреть какой-нибудь спектакль. А «Тома Кэнти» смотрели даже вместе...

Нам было по двадцать лет. Она была измучена войной — полутолодным существованием, была бледна, худая и очень красива. Я тоже был достаточно заморенным. Но настроение у нас было высоким — предпобедным...

Через несколько дней мы сбегали с лекций, и я снова провожал Юлю. Мы зашли к ней домой. Она побежала на кухню и вскоре принесла мне тарелку супа. Извинилась, что нет хлеба. Я спросил: — А себе?

— Я свою долю съела на кухне. И больше не хочу...

Суп был сильно пересолен, имел какой-то необычный темно-серый цвет. На дне тарелки плавали мелкие кусочки картошки. Я проглотил его с большим удовольствием, поскольку был голоден. Только через пятнадцать лет, когда мы развелись и пошли после суда в ресторан — обмыть эту процедуру, она призналась:

— А ты помнишь, как я угощала тебя супом?

— Конечно, помню.

— А знаешь, что это было?..

Оказалось, что это был вовсе не суп, а вода, в которой ее мать варила картошку «в мундирах». А Юля, не зная этого, подумала, что это — грибной суп. И только потом при разговоре с матерью все выяснилось.

Я спросил:

— Что же ты сразу-то не сказала мне тогда об этом?

— Мне было стыдно, и я думала, что, если ты узнаешь это, у нас могут испортиться отношения.

Смешно, наивно, но ведь и трогательно...

Юлия была человеком последовательным и отважным. Выросшая в городе, в интеллигентной семье, она вопреки воле родителей в 1942 году девчонкой ушла на фронт, в пехоту. В самое трудное время. И в самый неблагоприятный род войск.

...Школьным вечером,
Хмурым летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж.

После тяжелого ранения — осколок едва не перебил сонную артерию, прошел в двух миллиметрах от нее — снова ушла на фронт добровольцем. Под обстрел, в холод и грязь. А ведь женщинам, особенно в пехоте, было во много раз тяжелее, чем мужчинам... И хотя в газетах нередко писалось в те времена о том, что поголовно все выздоравливающие из госпиталей рвались на фронт, не всегда это соответствовало правде жизни...

МЫ БЫЛИ студентами второго курса, когда у нас родилась дочь Лена. Ютились в маленькой комнатке, в общей квартире, жили сверхбедно, впроголодь. Приходилось продавать одну карточку, чтобы выкупить продукты на остальные, хотя и на них получали негусто.

А дочка, тяжело переболев в первые месяцы, нормально росла, у нее был хороший аппетит.

Все трудности военной и послевоенной жизни Юля переносила стоически — я не услышал от нее ни одного упрека, ни одной жалобы. И ходила она по-прежнему в той же шинели, гимнастерке и сапогах еще несколько лет...

В быту она была, как, впрочем, и многие поэтессы, довольно неорганизованной. Хозяйством заниматься не любила. Хотя могла очень неплохо приготовить обед, если было из чего.

По редакциям не ходила, даже не знала, где многие из них находятся и кто в них ведает поэзией. Лишь иногда, услышав, что я или кто-то из ее однокурсников собирается пойти в какой-нибудь журнал, просила: «Слушай, занеси заодно и мои стихи...»

А между тем ее фронтовые стихи, прочитанные на литературном объединении при издательстве «Молодая гвардия», которым руководил прекрасный поэт и человек Дмитрий Кедрин, а потом и появившиеся в журнале «Знамя», произвели сильное впечатление в конце войны и сразу после ее завершения. Мы все знали ее «Зинку», постоянно цитировались ставшие сразу знаменитыми строки:

Я только раз видала рукопашный,
Раз — наяву, и — тысячу во сне...

Помню, в 1945 году были мы у Николая Семеновича Тихонова, тогдашнего председателя Союза писателей СССР, и как высоко оценил он Юлины стихи. Особенно отметил «Штрафной батальон» (стихотворение это первоначально называлось «Штрафбат»):

Дышит в лицо молдавский ветер
Хмелем осенних трав.
Дробно,
как будто цыганские плечи,
Гибкий дрожит состав.
Мечется степь —
узорный,
Желто-зеленый плат.
Пляшут,
поют платформы,
Пляшет,
поет штрафбат.
Бледный майор
расправляет плечи:
— Хлопцы,
пропьем
Свой последний вечер! —
Вечер.
Дорожный щемящий вечер.

Глух паровозный крик,
Красное небо летит навстречу —
Поезд идет
в тупик...